

УЧЕТ ЭВРИСТИК МАРГИНАЛЬНОСТИ В ПСИХОКОРРЕКЦИОННОЙ РАБОТЕ С ОСУЖДЕННЫМИ ЗА ЭКСТРЕМИЗМ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Э.И. Мещерякова, Т.Г. Бохан, А.В. Ларионова

Томский государственный университет (Томск, Россия)

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 14-06-18025 «Исследование современных форм экстремистского поведения молодежи с учетом влияния культурно-средовых факторов».

Аннотация. Рассматривается феномен экстремизма через понятия маргинальности, негативной идентичности и личности экстремиста. Представлены результаты эмпирического исследования осужденных за террористическую и экстремистскую деятельность в условиях исправительного учреждения, позволившие классифицировать осужденных как «террористов с мотивацией риска», «террористов с психопатологией» и «эксплуатируемых террористов». Рассмотрены основные принципы психокоррекции и профилактики рецидивов преступлений по экстремистским статьям. Они базируются на обнаружении метафизических оснований преступления в парадигме маргинальной антропологии и на понимании преступления как своеобразного выхода маргинальной личности на трансцендирование.

Ключевые слова: экстремизм; маргинальная антропология; негативная идентичность; личность экстремиста; психокоррекция.

В результате стремительного развития современного российского общества закономерным является факт деформации его социальной, культурной, политической и экономической жизни, что обуславливает формирование новых форм и элементов экстремистского поведения. По ряду причин (социальных, психологических, возрастных) наиболее подвержена экстремистскому поведению молодежь, что подчеркивает необходимость изучения особенностей формирования экстремизма с целью минимизации данного явления в обществе.

Для понимания феномена экстремизма необходимо анализировать его, как нам представляется, в русле антропологического подхода и в соотношении понятий маргинальности, идентичности и личности экстремиста. Применение антропологического подхода позволит рассмотреть проблему через призму условий и качеств человеческого бытия, его конкретности и определенности, локальности, временности и историчности человеческого существования, возможности потери и обретения человеческой сущности. Введение в антропологическое исследование феномена преступления как маргинального акта жизнедея-

тельности, а также личности преступника как маргинальной расширяет предметное поле классической антропологии и дополняет ее феноменологию, сосредоточивает внимание исследователя на сравнении различных социокультурных образов человека. Эту область знания С.П. Гурин (2000) определил как *маргинальную антропологию* – разновидность практической антропологии, черпающей свои установления из социальной и юридической психологии, а также из психопатологии личности [1].

Маргинальная антропология обращается к пограничным феноменам, границе человеческого бытия, границам человеческого опыта. В современном научном дискурсе маргинальность (лат. *margo* – граница, грань, край, *marginalis* – находящийся на краю) – это понятие, традиционно используемое в науке для анализа пограничного положения личности или группы по отношению к какой-либо социальной общности. Оно подчеркивает особый социальный статус (обычно низкий), принадлежность к меньшинству, которое находится на границе или вне социальной структуры, ведет образ жизни и исповедует ценности, отличающиеся от общепринятой нормы. Понятие «маргинальность» имеет не только социальный контекст, но и онтологическое измерение, так как выражает способность находиться на краю, на границе социального бытия и человеческой реальности в целом, позиционироваться как крайнее, предельное положение или состояние. Таким образом, понятие «маргинальность» коррелирует с понятиями «граница» и «предел» в смысле динамическом, т.е. как выражение самого процесса перехода, пересечения границы или достижения и преодоления предела.

Понятие «маргинальность» в основном имеет негативную коннотацию, это нечто второстепенное, онтологически вторичное, так как обычно идет сравнение с нормой (социальной, антропологической, этической, медицинской); любое отклонение от нормы воспринимается как нарушение, угроза, преступление. Но существует и другая точка зрения, акцентирующая социальную, эвристическую и онтологическую ценность маргинальности, когда в понятие нормы вводят элементы историчности-архаичности, множественности, онтологической плюралистичности. Эта позиция выражена в работах В. Тэрнера (1983) и М. Элиаде (1995). Авторы пишут о возникновении нового только на границе, на периферии старых структур, о становлении на изломе, при переходе через хаотическое состояние, когда меняются нормы и ценности [2, 3]. Для Р. Барта (1989) маргинальность выражает стремление к новому на пути отрицания всевозможных стереотипов и запретов, унифицирующих власть всеобщности над единичностью и уникальностью [4]. Известна «бахтинская» мысль о том, что новая практика исходит от слабых, маргиналов и отверженных [5]. С.П. Гурин (2002) выдвигает гипотезу о маргинальности как всеобщем онтологическом феномене, универсальном свойстве сложного внутреннего устройства

человеческого бытия, нетривиальности его структуры и топологии, многомерности и нелинейности его онтологических и антропологических пространств и особом значении его динамических и энергетических характеристик [1].

Анализ патологии человеческого бытия как специфического феномена в виде преступления, которое совершает маргинальная личность (преступник), в маргинальной антропологии рассматривается и может осуществляться в двух направлениях. Во-первых, это пристальное рассмотрение преступления как феномена обыденного бытия, в глубине которого обнаруживается нетривиальное содержание, не схватываемое рациональным мышлением, а также проявляются древние архетипы и символы, просвечивают фундаментальные основания бытия, отражается его сакральное начало. Во-вторых, в центре внимания оказывается специфический и даже уникальный, неповторимый и необратимый опыт, который пережил осужденный в ситуации преступления [6]. Одним из принципов маргинальной антропологии можно считать последовательный поиск фундаментальных оснований человеческого поступка, обнаружение в преступлении как феномене человеческого бытия архаических элементов и структур, глубинных архетипов, магических и мистических систем, первичных телесных практик и экстатических трансов. Все это образует в том числе одно из доминирующих личностных, социально-психологических свойств маргинала – негативную идентичность.

Рассмотрение проблемы негативной идентичности достаточно актуально: современный период характеризуется постоянным нарастанием национальных, этнических, социальных и политических проблем; в российском обществе отмечается значительный уровень распространенности ксенофобии и национализма, экстремизма и терроризма [7, 8]. Осуществление террористической деятельности – одна из форм экстремизма. При наличии значительного числа работ, посвященных экстремизму, в настоящее время отсутствует сложившееся понимание психологических механизмов этого явления, нет комплексного видения экстремизма во всем многообразии его проявлений. Более того, в полной мере не используется существующий психологический инструментарий для изучения и анализа этого явления. Проблема негативной идентичности в социально-психологических исследованиях представлена в структуре проблемы ценностных представлений и относится к области социальной психологии [9]. Известно, что понятие идентичности возникло в психоанализе и было метафорическим перенесением некоторых процедур опознания и отождествления, появившихся в практике уголовного расследования. Формирование идентичности предполагает высокую степень субъективной интернализации человека с ценностями, традициями, обычаями и нормами реальной или виртуальной референтной группы. Идентичность переводит коды

общепринятого поведения в плоскость индивидуального существования. Негативная идентичность как разновидность социальной идентичности характеризует личность и группы по принципу «против кого-то», «от противного», эксплуатируя образы враждебности, агрессивности, неприязни, ненависти, противостояния и противодействия. Этот процесс Эрик Эриксон назвал состоянием нескладывания (несклеивания) Я-концепции [10]. Негативная, отрицательная идентичность упрощает многомерный мир личности до однолинейности, примитивизма и фанатизма, и для современного общества эти смыслообразования маргинальны, периферийны и экстраординарны, зачастую трансформируются в экстремизм и терроризм.

Общая методологическая база исследований феномена экстремизма разработана в исследованиях Ю.М. Антоняна [11]. Анализ экстремизма как научной категории позволил сделать вывод, что сущностью экстремизма является осознанная деятельность, направленная на приближение результата крайними средствами, отличающимися от установленных норм и правил. В генезисе экстремизма ведущее место занимает личность экстремиста. Сложное сочетание идейно-риторических конструкций и индивидуальных психофизиологических качеств, составляющее мотивационную сферу личности экстремиста, выделяет его среди других категорий преступников. Генезис формирования личности экстремиста диаметрально противоположен нормальному сценарию социализации человека, где вершиной жизни является самореализация в творческом, созидательном общественно полезном процессе. Личность человека, совершившего преступления экстремистской мотивации, с одной стороны, отражает в обобщенной форме наиболее существенные признаки личности преступника как таковой, с другой – имеет особенности, свойственные только экстремистам. Не зная этих особенностей, невозможно оказывать психологическую помощь в местах заключения, где сохраняются риск распространения идеологии экстремизма и, как следствие, риск участия в деятельности радикальных группировок после завершения срока заключения. По отношению к осужденным за террористическую деятельность применимо понятие «криминальный экстремизм», когда при политическом, национальном, религиозном и других видах экстремизма используются криминальные способы и криминальные средства. Понятие «негативная идентичность», применяемое к таким экстремистам, условно, ведь террорист в большинстве случаев формируется под воздействием замаскированных от социума, но существующих в реальности общественных установок, причем группа, их исповедующая, придает им положительный характер и смысл.

В рамках усилий по борьбе с таким маргинальным, преступным феноменом, как насильственный экстремизм, все больше внимания уделяется помощи психологов осужденным, находящимся в пенитенциарных учреждениях. Во-первых, места исправления могут превратиться в «без-

опасное прибежище», позволяющее террористам общаться между собой, сопоставлять различные тактические приемы и обмениваться ими, вербовать и радикализовать новых членов, даже руководить смертоносными операциями. Во-вторых, большинство заключенных экстремистов в конечном итоге будут освобождены; чтобы ограничить вероятность их возврата к терроризму после освобождения, крайне важно найти подходы, которые помогли бы им отойти от насильственной деятельности. Но обстановка в тюрьме также создает возможности для перемен к лучшему, а тюрьма может послужить местом, позволяющим обратить вспять тенденцию насильственного радикализма. Заключенные находятся в контролируемой среде, где можно свести к минимуму отрицательные воздействия из их прошлой жизни, подтолкнувшие их к насильственному экстремизму. Есть примеры, когда люди, попавшие в заключение экстремистами, прошли реабилитацию и вышли на свободу сторонниками борьбы с насильственными и экстремистскими течениями.

Признавая тот факт, что тюрьмы могут быть как инкубаторами насильственной экстремистской идеологии, так и учреждениями для исправления заключенных, в ряде стран были приняты программы, направленные на реабилитацию заключенных в пенитенциарных учреждениях. Целью этих программ является реабилитация насильственных экстремистов и их возврат в общество со сниженным риском рецидивизма.

Авторы данной статьи реализовали программу психологического сопровождения отбывания наказания осужденных за террористическую и экстремистскую деятельность. Базируется программа на преодолении негативной идентичности осужденных, нахождении эвристического трансцендентного начала в таком маргинальном акте жизнедеятельности, как преступление, смысловая опора на который станет затем одним из ресурсов психокоррекции.

Было проверено предположение о том, что основной механизм подобной негативной идентификации (противостояние) обуславливает определенную негативистическую когнитивно-эмоциональную картину жизнедеятельности участников подобных групповых образований, усиливающуюся в ситуациях разоблачения, осуждения и необходимости смены установок. Из этого вытекала задача психокоррекционной работы в контексте психологического сопровождения осужденных за террористическую и экстремистскую деятельность. Мероприятия программы были направлены на психодиагностику личностных детерминант негативной идентичности как мишеней психологического воздействия на осужденных в плане предотвращения рецидивов преступлений. Психологу также нужно было выявить в феномене преступной маргинализации экзистенциальную составляющую для перевода ее в доминанту психокоррекционной работы.

Выборка исследования представлена 52 мужчинами, осужденными за терроризм и экстремизм, находящимися в пенитенциарном

учреждении ИК-4 УФСИН России по Томской области (статьи Уголовного кодекса РФ, по которым были осуждены испытуемые: 205; 206; 209, ч. 1 и 2; 210; 280; 282, ч. 1 и 2 – терроризм, экстремизм, захват заложников, создание вооруженной группы, публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, организация экстремистского сообщества). Средний возраст испытуемых составил 30 ± 10 лет, средний срок лишения свободы – 25 ± 15 лет. По национальному признаку в исследуемой группе преобладали русские – 60,5%; 39,5% составили грузины, аварцы, ингуши, азербайджанцы и татары. Преимущественный уровень образования – средне специальное и полное среднее. Большинство испытуемых были осуждены впервые, 11% имели судимость за другие преступления.

Рассмотрение личности осужденного за экстремизм через призму такой интегральной характеристики, как негативная идентичность, позволило выявить особенные черты, определить степень их типичности, а также прогнозировать появление позитивных установок в результате оказания психологической помощи. Обследование проводилось спустя полгода после прибытия осужденного в пенитенциарное учреждение в процессе снятия эффекта дезадаптации. Исследовались материалы по изучению личности и поведения – приговор, биография, характеристики и другие официальные документы. Это позволило составить первичное представление о социально-демографических, уголовно-правовых и психологических особенностях осужденного, условиях его семейного воспитания и трудовой деятельности.

Для проверки гипотезы и сопряжения психодиагностических данных в психокоррекции и психологическом сопровождении был использован комплекс номотетических и идеографических методов, включающих многофакторный опросник «Мини-мульт», методику «Пять предложений о себе», а также автобиографический метод и эссе-самоописание «Мой персональный миф», которые реализуют гуманитарный подход в психодиагностике. Методика «Мой персональный миф» [12] базируется на данных современной психологии в том, что простые на первый взгляд желания и поступки имеют в своем основании некие фундаментальные потребности человека, проявляющиеся через коллективное бессознательное в виде архетипических комплексов и мифологических структур [Там же]. Обычно эти выводы применяются для описания некоторых предельных состояний и критических жизненных ситуаций, таких как болезнь, травматический опыт, пребывание на грани смерти, совершение преступления и т.п., но данный подход можно распространить на весь жизненный мир современного человека, на все обыденные и привычные феномены. Процедура написания текста персонального мифа осужденного и последующее деконструирование его с психологом сводились к тому, что осужденным задавали вопросы, характеризующие распознавание ими своего Я как

универсальной потребности самопонимания. Анализировали текст в следующих направлениях:

1) феноменологическом – как основном методе исследования опыта переживания, появляющегося в сознании; самой распространенной процедурой этого метода является исследование вербальных самоотчетов, самоописаний, которые ведут непосредственно к самим феноменам и помогают достичь понимания внутреннего мира человека;

2) психолингвистическом методе, позволяющем анализировать текст как многоуровневый и многоплановый личностный документ [13, 14].

Результаты психодиагностики показали, что для всех осужденных характерна негативная идентичность, которая выражалась в состояниях субдепрессивного настроения, раздражительности, недовольстве собой и другими, озлобленности, грубости и агрессивности, напряжении, усталости, апатии, бесперспективности, страхе, тоске, в чувстве неудовлетворенности и дискомфорта, в отсутствии чувства вины, обиды за ситуацию обнаружения и разоблачения, в своеобразии ценностей и этических норм, социальных установок, целей, поведения и мотивации, ограниченности контактов, закрытости в общении, в ориентации на религиозные нормы (методика «Мини-мульти»: шкалы 2, 4, 6, 7 – выше 70 Т; снижены показатели по шкале 9 до 45 Т).

Результаты методики «Пять предложений о себе» указали на негативную личностную идентичность – состояние самонеприятия, пониженную самооценку (с презентацией повышенной), преобладание отрицательной эмоциональности в отношении к себе и окружающим. Подтвердились данные о том, что в основе негативной идентичности лежит не сходство с референтной общностью, а различие, осознанное желание быть непохожим. Негативная идентификация – это преодоление своей ущербности, незащищенности, неуверенности, длительная фиксация на состоянии противодействия, разрушение способности к продуктивной работе, размывание чувства времени и нежелание строить планы на будущее. Негативная идентификация – это маргинальное состояние души, которая пытается, но пока не может обрести себя [9].

Представления о преступлении в парадигме маргинальной антропологии, данные прототипных исследований, наше понимание феномена негативной идентичности, а также реконструированный с помощью психолога персональный миф осужденного позволили выделить эмпирические критерии для кластеризации групп осужденных [15]. Этими критериями были: сущностные личностные признаки феномена экстремизма как наличие системы взглядов и близость к насилию, отношение к себе, к окружающим, к риску, к смерти, особенности эмоционально-когнитивной сферы, склонность к состояниям жертвенности и фанатизма [6, 16, 17]. В результате осужденные распределились по трем кластерам: террористы с мотивацией риска (искусственно подвергающие себя рискам) – 30 чел., террористы с психопатологией (са-

домазохизм, психопатологическая агрессия, маниакальный синдром, мания величия, потенциальные суицидники с депрессиями, наркоманы) – 12 чел.; эксплуатируемые террористы – зомби (низкий интеллектуальный уровень, повышенная зависимость от окружающих, отсутствие имущества, примитивная вера в существование «того света») – 10 чел. В переживании своего преступления у представителей всех кластеров есть указания на трансцендентные аспекты совершения преступления, что коррелирует с выводами С.П. Гурина о преступлении как особом типе отношения с бытием, как иной тактике и стратегии человеческого бытия, как альтернативном способе его проживания человеком, высокой интенсивности, жизни под напряжением. Преступление – это риск, воля к самовластию, испытание удачи, везения, когда достигаются экстаз, транс, прорыв в другие измерения бытия. Преступник в момент совершения преступления чувствует себя всемогущим, сильным, дерзким, свободным, самовластным [1].

Психологи ИК-4 УФСИН России по Томской области разработали ряд психокоррекционных и тренинговых занятий, которые обобщены в методические рекомендации для практических психологов пенитенциарной системы, непосредственно работающих с данной группой осужденных. В основу программ положены вышеназванные эвристики маргинальности и совершения преступления. Комплексные цели предлагаемого тренинга – это изменение взаимоотношений с окружающими и самим собой, стабилизация пониженной внутренней самооценки и предъявляемой повышенной, обращение к своим личностным ресурсам. Предлагаемый тренинг не ставит целью глубокое изменение личности, но дает осужденному возможность самостоятельного изучения и изменения самого себя и своей жизни. Тренинг состоит из трех блоков:

1. Работа с индивидуально-психологическими свойствами человека (соматическими, темпераментологическими, характерологическими, интеллектуальными).

2. Работа с социально-психологическими свойствами (роли в группе, в коллективе и социально-исторической общности).

3. Работа с экзистенциальными механизмами самосознания, данные о которых получены из конструирования персонального мифа осужденного [13, 18–20].

В результате исследования обнаружилось, что маргинализация, характеризующая личность с экстремистскими тенденциями в поведении, *во-первых*, имеет различное структурно-уровневое содержание в зависимости от культурно-средовых и возрастных факторов; *во-вторых*, обуславливает различные психологические механизмы проявления; *в-третьих*, обнаруживает эвристические психологические факторы, содержание которых указывает, с одной стороны, на генез становления противоправных установок, с другой – является фактором успешного осуществления профилактических и психокоррекционных мероприятий.

В процессе проведения психодиагностической и психокоррекционной работы выявлено, что большинство осужденных за экстремизм (кластер с мотивацией риска) остро нуждаются в духовном самоопределении. Это обуславливает депривацию в социуме, мифологизацию, архаизацию и архетипизацию, иррационализацию подсознательных структур психики и выход за пределы своего Я, трансцендентирование.

Стратегия тренинговой работы подчинялась экзистенциальной логике, согласно которой наиболее важной является попытка охарактеризовать природу восприятия личностью своего мира и самой себя в контексте переживаний целостного бытия-личности-в мире. Психолог в процессе тренинга помогал осужденному исследовать свои способы пребывания в мире, пересмотреть конструкты «Я – Мир». Трансформация понимания своего Я-образа осужденным явилась психологическим критерием оценки эффективности психокоррекционной работы. Исследование личностных особенностей и идентичности осужденных за террористическую и экстремистскую деятельность позволило не только разработать и осуществить психокоррекционную программу, направленную на предотвращение рецидивов преступлений, но и определить основные направления профилактической работы с проблемами маргинальности, негативной идентичности и экстремизма в молодежной среде.

Литература

1. *Гурин С.П.* Проблема маргинальности в антропологии. Саратов : Изд-во СарГСЭУ, 2002. 132 с.
2. *Тэрнер В.* Символ и ритуал. М., 1983. 277 с.
3. *Элиаде М.* Аспекты мифа. М. : Академический проект, 2010. 256 с.
4. *Барт Р.* Избранные работы. М. : Прогресс, 1989. 616 с.
5. *Бахтин М.М.* К философии поступка // Философия и социология науки и техники. 1984–1985. М. : Наука, 1986.
6. *Пукинская О.В.* «Триада риска» как проявление внутриличностного конфликта // Психологический журнал. 2008. Т. 29, № 5. С. 63–72.
7. *Вехов И.В.* Экстремизм в современной России: механизм воспроизводства и меры социального контроля : автореф. дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2011. 26 с.
8. *Красиков В.И.* Экстрим. Междисциплинарное философское исследование причин, форм и паттернов экстремистского сознания. М. : Водолей Publishers, 2006. 496 с.
9. *Гудков Л.* Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 гг. М. : Новое литературное обозрение, 2004. 816 с.
10. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта, 2006. 352 с.
11. *Антонян Ю.М.* Терроризм: криминологическое и уголовно-правовое исследование. М. : Щит-М, 1998. 306 с.
12. *Мещерякова Э.И.* Текст в практике психологического консультирования // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. Томск, 2001. № 3. С. 99–102.
13. *Васильюк Ф.Е.* Семиотика психотерапевтической ситуации и психотехника понимания // Московский психотерапевтический журнал. 1996. № 4. С. 48–68.
14. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М. : Смысл, 2007. 511 с.
15. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М. : Медиум, 1995. 323 с.

16. *Ольшанский Д.В.* Психология терроризма. СПб. : Питер, 2002. 288 с.
17. *Тесля С.Н.* Мифологичность повседневности // *Философия и миф сегодня*. Саратов, 1998. С. 43–46.
18. *Калина Н.Ф.* Основы психотерапии. М. : Рефл-бук, 1997. 272 с.
19. *Ленгле А.* Эмоции и экзистенция. Харьков : Гуманитарный центр, 2011. 332 с.
20. *С собой и без себя.* Практика экзистенциально-аналитической психотерапии : сб. статей. М. : Генезис, 2012. 279 с.

CONSIDERATION OF HEURISTICS OF MARGINALITY IN PSYCHO-CORRECTIVE WORK WITH PEOPLE CONVICTED FOR EXTREMISM: AN ANTHROPOLOGICAL APPROACH

Meshcheryakova Emma I., Bohan Tatyana G., Larionova Anastasia V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: mei22@mail.ru; btg960@sibmail.com; pavlova13@mail.ru

Keywords: extremism, marginal anthropology, negative identity, personality extremist psychocorrection.

Abstract

Growing extremalization of younger generation leads to an increase ethnic tensions, the formation of individual youth subcultures, opposition groups demonstrating extremist attitudes and behavioral practices. In a variety of modern research on the problem of extremism, there is no conceptual unity, the problem of extremism is discussed from different angles, so many causes of this phenomenon were allocated, that its essence is lost, the specificity of its occurrence as well as boundaries of its development are not clear. To understand the phenomenon of extremism from our point of view is necessary to analyze it in line with the anthropological approach and relationship between the concepts of marginality, identity and personality extremist. Application of anthropological approach allows us to consider this issue through the prism of conditions and qualities of human existence, its concreteness and certainty, locality, temporality and historicity of human existence, the possibility of loss and gain of the human essence. In this study we tested the hypothesis that the underlying mechanism of such negative identification results in the specific negativistic cognitive and emotional picture of life of members of extremist formations, becoming more severe in situations of disclosure, condemnation and in circumstances to change attitudes. Consideration of the individuality convicted for extremism through the prism of such integral characteristics as negative identity has revealed special features on the basis of which a classification of convicted people has been suggested: "terrorists with risk motivation", "terrorists with psychopathology" and "exploited terrorists". The study has found that the marginalization characterizing personality with extremist tendencies in behavior, firstly, has a different structure and level content depending on the cultural-environmental factors and age; secondly, it causes a variety of psychological mechanisms of its occurrence; thirdly, it reveals heuristic psychological factors, the content of which indicates, on the one hand, the genesis of the formation of illegal attitudes, on the other hand, it becomes a factor for successful implementation of preventive and corrective treatment. In the process of psycho-diagnostic and psycho-corrective work it was revealed that the majority of those people convicted for extremism (cluster with risk motivation) are in a dire need of spiritual self-determination, which results in deprivation in society, mythologization, arahaization, arhetypization and irrationality of subconscious structures of a psychic and exceeding their individual self, that is - transcendivity. The data we gained allowed us not only develop and implement psycho-corrective program aimed at preventing recidivism, but also determine the main directions of preventive work with the problems of marginality, negative identity and extremism among young people.

References

1. Gurin S.P. *Problema marginal'nosti v antropologii* [The problem of marginality in anthropology]. Saratov, Saratov State Social and Economic Univeristy Publ., 2002. 130 p.
2. Turner V. *Simvol i ritual* [Symbol and ritual]. Translated from English by V.A. Beylis. Moscow, Nauka Publ., 1983. 277 p.
3. Eliade M. *Aspekty mifa* [Aspects of the myth]. Translated from French by V.P. Bol'shakov. Moscow, Akademicheskiiy Proekt Publ., 2010. 256 p.
4. Bart R. *Izbrannye raboty* [Selected works]. Translated from French. Moscow, Progress Publ., 1989. 616 p.
5. Bakhtin M.M. *K filosofii postupka* [Toward a Philosophy of the Act]. In: *Filosofiya i sotsiologiya nauki i tekhniki. 1984–1985* [Philosophy and sociology of science and technology. 1984–1985]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 80-160.
6. Pukinska O.V. "Triada riska" kak proyavlenie vnutrichnostnogo konflikta ["Risk triad" as intrapersonal conflict manifestation]. *Psikhologicheskiiy zhurnal*, 2008. Vol. 29, no. 5, pp. 63-72.
7. Vekhov I.V. *Ekstremizm v sovremennoy Rossii: mekhanizmy voproizvodstva i mery sotsial'nogo kontrolya*. Avtoref. kand. sotsiol. nauk [Extremism in modern Russia: mechanism of reproduction and measures of social control. Abstract of Sociol. Cand. Diss.]. St. Petersburg, 2011. 26 p.
8. Krasikov V.I. *Ekstrim. Mezhdistsiplinarnoe filosofskoe issledovanie prichin, form i patternov ekstremistskogo soznaniya* [Extreme. Interdisciplinary philosophical study of the causes, forms and patterns of extremist consciousness]. Moscow, Vodoley Publishers, 2006. 496 p.
9. Gudkov L. *Negativnaya identichnost'* [Negative identity]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004. 816 p.
10. Erikson E. *Identity: Youth and Crisis*. W.W. Norton, 1994. 336 p. (Russ. ed.: Erikson E. *Identichnost': yunost' i krizis*. Moscow, Flinta Publ., 2006. 352 p.).
11. Antonyan Yu.M. *Terrorizm. Kriminologicheskoe i ugolovno-pravovoe issledovanie* [Terrorism: criminological and criminal law research]. Moscow, Shchit-M Publ., 1998. 306 p.
12. Meshcheryakova E.I. Tekst v praktike psikhologicheskogo konsul'tirovaniya [Text in the practice of psychological counseling]. *Sibirskiy vestnik psikiatrii i narkologii – Siberian Herald of Psychiatry and Addiction Psychiatry*, 2001, no. 3, pp. 99-102.
13. Vasilyuk F.E. Semiotka psikhoterapevticheskoy situatsii i psikhotehnika ponimaniya [Semiotics of psychotherapeutic situation and psychotechnics of understanding]. *Moskovskiy psikhoterapevticheskiiy zhurnal*, 1996, no. 4, pp. 48-68.
14. Leont'ev D.A. *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoy real'nosti* [Psychology of meaning: the nature, structure and dynamics of semantic reality]. Moscow, Smysl Publ., 2007. 511 p.
15. Berger P., Luckmann T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti* [Social construction of reality]. Translated from English by E. Rutkevich. Moscow, Medium Publ., 1995. 323 p.
16. Ol'shanskiy D.V. *Psikhologiya terrorizma* [Psychology of terrorism]. St. Petersburg, Piter Publ., 2002. 286 p.
17. Teslya S.N., Teslya E.T. *Mifologichnost' povsednevnosti* [Mythology of everyday life]. In: Friauf V.A. (ed.) *Filosofiya i mif segodnya* [Philosophy and myth today]. Saratov, Saratov State Technical University Publ., 1998, pp. 43-46.
18. Kalina N.F. *Osnovy psikhoterapii* [Fundamentals of psychotherapy]. Moscow, Refbuk Publ., 1997. 272 p.
19. Lengle A. *Emotsii i ekzistentsiya* [Emotions and existence]. Translated from German by O. Shipilova. Khar'kov, Gumanitarnyy tsentr Publ., 2011. 332 p.
20. Krivtsova S., Lengle S. (eds.) *S soboy i bez sebya. Praktika ekzistentsial'no-analiticheskoy psikhoterapii* [With and without self. Practice of existential-analytic psychotherapy]. Moscow, Genezis Publ., 2012. 288 p.